

У. Точка возврата

Связь пространства и исторической судьбы: герой Нерчинска становится правой рукой царя Петра

Обратимся же вновь к основной линии нашего исследования.

В рассмотрении истории продвижения России на Восток мы остановились на заключении посольством под руководством

Ф.А.Головина Нерчинского мира с Китаем 27 августа 1689 года. Договор впервые официально зафиксировал восточные границы России, в приамурской области доходившие до слияния рек Аргунь и Шилка, а севернее вдоль Яблоневого и Станового хребтов, простиравшиеся до Охотского моря. Ни увязшая в междоусобных войнах маньчжурская династия, ни замершая в преддверии петровских преобразований Россия не были готовы к дальнейшему противостоянию по поводу малоосвоенных амурских территорий и потому предпочли договориться. Спустя буквально несколько недель после подписания русским посланником Нерчинского трактата власть в Москве перешла от царевны Софьи к молодому Петру I. Вернувшись в столицу с известием о своем дипломатическом успехе, 39-летний боярский сын Федор Головин получил от Петра боярское звание, должность сибирского наместника и чин генерал-кригскомиссара, эквивалентный современной должности министра обороны. В последующем Головин вместе с Петром I участвовал во взятии Азова (1696 г.), в составе Великого посольства в Европу (1697–1698 гг.) он вел всю черновую дипломатическую работу по организации переговоров и подготовке почвы для будущих союзов, в 1699 был назначен первым генерал-адмиралом Черноморского флота, а в 1700 году в чине генерал-фельдмаршала возглавил русскую армию, вступившую в Северную войну со Швецией. Головин первым из бояр сбрил бороду, первым из русских получил графский титул³⁰, стал первым

³⁰16 ноября 1702 года Ф.Головин был возведен в графское достоинство Священной Римской империи союзником Петра I – австрийским императором Леопольдом I. Первым же чисто русским графом стал другой сподвижник Петра – Борис Петрович Шереметев, но произошло это четырьмя годами позже, в 1706 году. Первоначально, по возведении кого-либо в “графское Российской империи достоинство”, требовалось признание возводимого в таком же достоинстве Священной Римской империи со стороны австрийского императора. Лишь после отказа в 1806 году императора Франца Первого от номинального титула главы Священной Римской империи и формального упразднения таковой необходимость в подобной верификации отпала.

кавалером учрежденного царем Петром ордена Андрея Первозванного. Работоспособный, по-европейски образованный, отличавшийся выдержкой и тактом, безупречно владевший латынью и английским, Федор Головин стал главой первого в России высшего военно-технического учебного заведения – Навигацкой школы в Москве, по его инициативе царским манифестом был узаконен прием на русскую службу иностранных специалистов с правом беспрепятственно отправлять любую веру, а за границей были впервые на постоянной основе открыты русские посольские учреждения. Он сыграл уникальную и незаменимую роль второго человека в государстве, умевшего своею рассудительностью уравнивать импульсивную холеричность Петра, не сторонившегося малопочетной технической работы и заметно выделявшегося на фоне большинства петровских царедворцев редкостной личной скромностью. Неизвестно, смогла бы Россия взять верх в Северной войне, окажись во главе русских финансов в те годы не Головин, а кто-либо иной, например, небезызвестный Александр Данилович Меншиков. И смог ли Петр, не имея рядом столь эрудированного, тактичного и честного сподвижника, в короткий срок столь полно интегрировать Россию в большую европейскую политику и в результате дипломатических усилий добиться не меньших результатов, чем на полях сражений, – если взглянуть внимательно, не столь уж многочисленных и победоносных?

**Почему петровским
преобразованиям
существовала
разумная
альтернатива**

Парадоксально, но Головин был, пожалуй, единственным человеком из ближнего петровского окружения, который вполне мог бы достичь не меньших успехов и в случае, если клан Милославских в лице Софьи и Василия Голицына сумел бы удержать власть. Ведь вопреки расхожему мнению, Софья³¹ с Голицыным были отнюдь не меньшими “западниками”, чем Петр, а разумность и последовательность реформ, замысленных и

³¹Реальный образ царевны Софьи далек от стереотипа “защитницы патриархальных устоев”. Она была, возможно, первой по-настоящему светской женщиной в русском обществе, отличалась высокой образованностью (ее учителем был Симеон Полоцкий, основатель знаменитой Славяно-греко-латинской академии), свободно читала по-латыни, на польском и греческом языках, пробовала силы в сложении стихов и “домашней драматургии”. Не особо скрывала она и своих чувств к В.Голицыну – что опять же расценивалось как вызов сложившимся нормам поведения.

начавших претворяться в жизнь В.Голицыным, позволяли рассчитывать на глубокую модернизацию русской общественно-экономической системы и “сближение с Западом” не столько путем военно-политических союзов, оплачиваемых жизнями солдат, сколько на основе развития конкурентоспособной экономики. Именно в период правления Софьи оживилась уже почти столетие замершая торговля с Европой, в Россию были приглашены иностранные специалисты, в стране были созданы передовые по тем временам ткацкие производства, замещающие импорт бархата, атласа и парчи. По инициативе В.Голицына в годы правления Софьи в стране стали появляться первые светские школы и была открыта Славяно-греко-латинская академия, а дворянские дети впервые получили возможность выезжать для обучения за рубеж. Считается, что Голицын работал и в направлении подготовки отмены крепостного права. Деловые качества в ту эпоху уже начинали цениться более родовой близости и лояльности – именно по этой причине В.Голицын активно продвигал по службе в Посольском приказе представителя враждебного “нарышкинского клана” молодого Федора Головина – от никчемной должности стряпчего до чина окольничего и статуса “великого и полномочного посла”, с которым тот и был отправлен на переговоры с китайской стороной.

Что бы произошло, если клан Мирославских взял верх, и в монастырь и ссылку отправились бы не Софья и Василий Голицын, а Наталья Кирилловна Нарышкина с сыном Петром? Вероятнее всего, назревшие преобразования во всех областях общественной жизни были бы осуществлены принципиально в том же направлении, только более мягко и продуманно. Если Петр I свое основное внимание концентрировал на военных и дипломатических "викториях", то при альтернативном варианте развития на первый план могло выйти развитие хозяйства, прежде всего мануфактур и ремесел, образующих "городской" тип экономики. Для этого не требовалось силой “прорубать окно в Европу” – с момента активизации торговли России с европейскими странами в конце XVII века внутренний рынок стал потреблять в огромных количествах импортные ткани и предметы быта, которые вполне можно было бы научиться производить самим. Как уже отмечалось в предыдущей главе, увеличение численности городского населения привело бы к росту спроса на товарную продукцию животноводства, что, в свою очередь, способствовало бы переходу сельского хозяйства с малопродуктивного трехполья на многопольные севообороты с высевом бобовых кормовых трав, естественным

путем восстанавливающих баланс почвенного азота, и увеличение поголовья животных, обеспечивающих дополнительный ресурс органических удобрений. Благодаря этому уже в первой четверти XVIII века развитие в сфере сельского хозяйства товарно-денежных отношений сделало бы сохранение феодальной зависимости крестьян абсолютно объективным анахронизмом. Благодаря становлению импортозамещающей промышленности и неизбежному развитию экспорта отечественных тканей и изделий из металла в восточные владения и сопредельные с ними земли страна имела бы твердое положительное сальдо внешней торговли, способствующее накоплению национального капитала. Экономически более крепкая Россия с куда меньшими издержками могла бы решать свои основные внешнеполитические проблемы XVIII века – овладение причерноморскими территориями и закрепление на Балтике, военные кампании финансировались бы с преимущественным использованием внутренних займствований, благодаря чему в отношениях с европейскими державами, которым со времен Екатерины Великой мы уже перманентно были должны, Россия могла бы проводить куда более самостоятельную и уверенную политику. Сколь невероятным это ни покажется, но на том витке истории наша страна вполне могла обогнать в своем развитии Англию – существенно ограниченную в ресурсах и еще не имевшую тех колоссальных колоний, которые в скором времени станут для "владычицы морей" ключевыми рынками сбыта продукции своих мануфактур и зарождающейся обрабатывающей промышленности. У России же были в достатке и ресурсы, и Сибирь, открывавшая пути не только в Центральную и Восточную Азию, но также и в Индию.

Как быгодились здесь результаты подготовленного дипломатическим гением Головина замирения с Китаем! Гарантированный контроль за самой большой в мире территорией суши с эксклюзивным доступом на еще не освоенные западноевропейскими купцами рынки сбыта на столетия стал бы для страны локомотивом опережающего, а не догоняющего типа развития... Однако история не знает сослагательного наклонения. Русское общество не поддержало осторожный модернизм Софьи и Голицына, с которыми те пытались упрочить свои права на верховную власть, переведя их из временных в абсолютные. В сентябре 1689 года, в момент вступления противостояния Петра и Софьи в открытую фазу, многие из принявших сторону Петра бояр, стрельцов и представителей духовенства рассчитывали, таким

образом, не допустить реализации намеченных Софьей и Голицыным “прозападных” новаций. Надеялись, что юный правитель вернется к традиционной линии московских царей. Парадокс заключается в том, что поддерживавшие Петра в конечном счете не ошиблись с выбором: в ходе трех десятилетий реформ общественно-экономическая сущность традиционного феодального уклада была не только сохранена, но и усилена. Поверхностные новации вроде бритья бород, ношения панталон и обязательного участия в ассамблеях не затронули основ. Несмотря на объективно существовавшие предпосылки, в России не появилось массового мануфактурного производства, не росло городское население, не повышалась производительность сельского хозяйства, а большая часть населения выживала в условиях изъятия не только прибавочного, но и необходимого продукта и, соответственно, не могла предъявлять сколь-либо заметного товарного спроса. Усиливая фискальный пресс – вплоть до сбора “подушной подати”, т.е. налога на то, что человек просто живет. Комплектуя армию за счет рекрутов из самого многочисленного в Европе населения, государство еще полтора столетия сможет особо не задумываться над альтернативными источниками финансирования и обеспечения беспрецедентной военно-политической активности. В период “позднефеодальных” войн, начиная с Северной войны и заканчивая подавлением восстания в Австро-Венгрии в 1848 году, русские солдаты побывают на территории большинства стран Европы – однако беспрецедентные военные успехи не принесут стране ни новых рынков, ни доходов, ни контрибуций. Только чудовищные бреши в бюджете, латаемые через непосильные поборы и внешние заимствования, связывающие руки на внешнеполитической арене, плюс застывшее внутреннее развитие.

Единственными войнами, которые могли способствовать приобретению контроля над новыми ресурсами и рынками сбыта, велись нашей страной за овладение Кавказом, Крымом и западным Причерноморьем. И результат был налицо – уже со второй половины XIX века, с началом освоения бакинских и грозненских нефтяных полей и активного проникновения русского капитала в Персию и, в меньшей степени, на Балканы, страна стала получать реальную экономическую отдачу. Осознание реальности и величины этого эффекта произведет на русский истеблишмент ошеломляющее впечатление. Впервые, начиная со времен Петра I, Россия решительно свернет военно-дипломатические усилия в Европе и сконцентрируется на расширении границ и сфер влияния на юге,

юго-востоке и востоке. Однако произойдет это еще не скоро и, как мы увидим, достаточно поздно.

**Пекинская миссия
Избранта. Первые
экономические
достижения и потери**

По свидетельствам современников, когда Ф.Головин вернулся из “даурской земли” в Москву весной 1690 года, 18-летний царь Петр, забросив все дела, несколько дней подряд увлеченно внимал рассказам дипломата о малоизвестной Сибири и о таинственном Китае. Мудрый и рассудительный Головин не мог не видеть сам и посему не объяснить молодому царю те возможности хозяйственного развития и торговли, которые дает его государству контроль над сибирской землей и наличие сухопутной границы с Китайской империей. Опыт первых торговых контактов с Китаем (караван Аблина, 1666–1669 гг.) свидетельствовал о том, что рентабельность приграничного товарообмена превышает 300% [33], что, конечно же, не могло не впечатлить Петра, заинтересованного в привлечении в казну дополнительных доходов. В результате в самый короткий срок в Пекин с целью активизации торговли снаряжается новое русское посольство во главе с Избрантом Идесом – германским голландцем, еще в 1677 года приехавшим с торговым бизнесом в Россию (как оказалось впоследствии – навсегда³²), где в знаменитой Немецкой слободе он и познакомился с будущим первым русским императором [34]. В задачи посольства Идеса входило договориться с пекинскими властями о репатриации семей казаков, плененных под Айгуном и интернированных под Албазином, об отправке в Москву китайского каравана не менее чем с 1 тыс. пудов серебра, а также пряностями, чаем и целебными кореньями, на которые китайские купцы могли бы приобрести русские и немецкие товары, а также о строительстве в Пекине за счет русской казны православной церкви. [35].

Китайский император, в продолжение старой цинской традиции принявший грамоту от посла не лично, а через чиновников, заставив его при личной встрече опуститься на колени, ограничился лишь согласием допускать на территорию страны русские торговые караваны. Все другие предложения были отклонены. Дополнительно

³²Судьба Избранта Идеса типична для иностранцев-сподвижников Петра I. После возвращения из Пекина Идес был приглашен на строительство кораблей в Воронеже, в дальнейшем получил в управление оружейный и пороховой заводы, имел подряды на строительство кораблей в Архангельске. Умер Идес в 1708 году в Вологде, где и похоронен.

к этому, проявив вслед за Спафарием талант разведчика, Идес через иезуитов смог вывести о намерении китайского императора сохранить мир с Россией.

Частичный успех посольства Идеса позволил уже в 1693 году приступить к отправке в Китай первых казенных и частных караванов. Каждый караван вывозил товаров примерно на 150–200 тысяч рублей, а внутренняя стоимость реализуемых на российском рынке китайских товаров достигала 500–600 тысяч рублей. Если учесть, что в конце XVII века государственный бюджет России составлял 1.2 млн. рублей (1680 г.), а расходы на содержание армии не превышали 700 тысяч рублей [36], то станет очевидным, сколь феноменально рентабельной была торговля с Китаем уже с самых первых своих шагов.

Уделяя в ту пору правительство в Москве (а с 1712 г. – в Санкт-Петербурге) больше внимания тому, что мы сегодня именуем “развитием предпринимательства”, вместо дальнейшего усиления тягла феодальных экономических отношений – и на русском Востоке за короткий срок мог бы сформироваться мощнейший центр промышленности и торговли. Все необходимые предпосылки для этого уже имелись и активно работали. В период 1693–1699 гг. в уходящих в Китай торговых караванах абсолютно превалировали частные товары. Так, стоимость казенных товаров в караване 1693 года составляла лишь 41.9 тыс. рублей (27%), в то время как стоимость товаров частнокупеческих была 113.62 тыс. рублей [37]. Однако власть, всецело увлеченная такими более близкими и понятными делами, как формирование регулярной армии, комплектуемой из фактических рабов – рекрутов, или строительством основанных на все том же подневольном труде крепостных мужиков горнорудных заводов, не могла бесстрастно наблюдать, как на далеких восточных окраинах растут и крепнут вполне независимые от нее частные капиталы. Гораздо привычнее было иметь дело со всегда лояльными Демидовыми, Строгановыми, Баташевыми и аналогичными им “государственными предпринимателями”, благополучие которых полностью определялось казенными заказами и благоволением власти предержавшей³³. По этой причине всего лишь через шесть лет после

³³ “В царствование Петра Великого экономическая политика основывалась на вмешательстве государства во все сферы деятельности предпринимателей. В том числе это касалось и права владения предприятиями, не только переданными из казны, но и построенными на собственные деньги. Предприниматель получал лишь своеобразную аренду, условия которой диктовались государством, имевшим право их изменить, вплоть до возвращения того или иного завода в казну и даже конфискации

начала активной караванной торговли с Китаем, в 1699 г. государство решило, что в преддверии войны со Швецией следует увеличить поступления в казну путем введения монополии на продажу в Китай основной статьи русского экспорта – мехов. Частные товары купцов практически исчезли из состава караванных грузов, поступления в казну на короткий период времени выросли, однако затем резко упали из-за сокращения оборота. Государственные заготовители, не имея должной коммерческой самостоятельности, могли отгружать в Китай преимущественно ясачную (податную) пушнину, обменивая ее в основном на серебро, золото и драгоценные камни – активы, которые за тысячи верст от Центральной России, среди живущего натуральным хозяйством населения, не играли привычной роли средства накопления и платежа и потому не могли с должной эффективностью использоваться при обратной закупке отечественных товаров [39]. Проблему “драгоценного излишка” могли бы без труда решить местные предприниматели, однако в результате их непродуманного отстранения от торговли с Китаем почти на 30 лет – до 1727 года – “в песок” ушла жизненная энергия целого поколения.

Отсутствие четкого понимания национальных экономических интересов на Востоке при приоритете интересов казны в эпоху Петра и в первые годы после его кончины привело в итоге и к значительному отступлению на дипломатическом фронте. Как это часто случалось в нашей истории, дипломаты были вынуждены во многом работать на смягчение последствий ошибочных решений властей.

Проблема возникла из-за введения той самой государственной монополии на караванную торговлю с Китаем. Местные купцы, лишенные возможностей отгружать свои товары в богатый Пекин, в результате были вынуждены обратиться к освоению рынка Северной Монголии. Торговля с не имеющими ремесленного производства кочевниками Халха-Монголии у русских предпринимателей

предприятия, построенного на своем коште, то есть за свой счет. Так, в «привилегии», которая была выдана Никите Демидову в 1720 году на строительство им же «на собственные деньги» медеплавильного завода, говорилось: «И для того ему, Демидову, о том медном заводе повелеть трудитца и тицитца, и, как возможно, проискивать, чтоб то рудное дело у него произведено и умножено было с удовольствием; обнадежить ево, что оной завод не возметца у него, и у жены ево, и у детей, и у наследников, покамест они оной завод содержать будут в добром состоянии». Таким образом, государство гарантировало предпринимателю владение его собственным заводом лишь до тех пор, пока последний «будет в добром состоянии», то есть будет бесперебойно поставлять в казну необходимую продукцию. В противном случае предприятие могло быть конфисковано» [38].

заладилась куда бойчее, чем у китайских соседей. Сказалось лучшее соотношение цены и качества, наличие в ассортименте высоко ценимых кочевниками мехов, а также нейтралитет российской стороны в длившемся десятилетия монгольско-маньчжурском конфликте. В результате оборот частной русско-монгольской торговли в начале XVIII века по своим размерам превзошел государственную караванную торговлю с Пекином [40] и абсолютно доминировал над собственно китайско-монгольским товарооборотом.

**Неудачи в
Джунгарии и
новые уступки
Пекину**

Не надо быть знатоком средневековой торговли, чтобы понимать – та страна, которая поставляет основной объем товаров лишенному ремесел кочевому народу, невольно приобретает и соответствующее политическое влияние. Для Китая, военной силой присоединившего Северную Монголию в 1691 году, рост русского влияния в данном регионе был абсолютно неприемлем, поскольку в ходе активизировавшихся с 1712 года военных действий Китая против Джунгарии потеря влияния на северном фланге создавала недопустимую угрозу.

Россия, заинтересованная в диверсификации и упрочении своих позиций на Востоке, одновременно с поддержанием государственной караванной торговли с Пекином не отказывалась и от развития контактов с противостоящим ему исламским Джунгарским ханством. В ту пору Джунгария занимала обширные территории в Западной Монголии, Восточном Туркестане, на Алтае, Памире и Тибете (современный Синьцзян-Уйгурский автономный округ КНР). Неся потери в противостоянии с Китаем, Джунгария в 1716 году обратилась к российскому царю с предложением о вхождении в подданство. Санкционируя контакты с Джунгарией, Петр I мог не опасаться за безопасность российско-китайских рубежей, поскольку даже минимальное по интенсивности вооруженное противостояние с Россией в тот момент для пекинских властей было крайне нежелательным. Наоборот, Россия повела себя по-настоящему смело и напористо, демонстративно направив в 1716 году в занимаемый Джунгарией Восточный Туркестан отряд полковника Бухгольца и генерала Лихарева, в основную задачу которого входило не много ни мало установление контроля за месторождениями золота [41]. Максимум, на что могли пойти китайские власти – это на введение запрета русским купцам

торговать в Северной Монголии – меры больше демонстративной, поскольку в условиях неконтролируемого степного пространства и при наличии обоюдного интереса торговля продолжила осуществляться контрабандным образом. В 1719 году китайская сторона в одностороннем порядке прекратила и караванную торговлю. Однако ход был неверным: запрет на отправку в Пекин государственных караванов развязал России руки в отношениях с Монголией и Джунгарским ханством. В 1722 году в Джунгарию было послано посольство под началом капитана Ивана Унковского, в задачу которого входили переговоры о русско-джунгарском политическом и военном союзе. Но в том же году умирает китайский император Канси, и взаимоотношения Джунгарии с Пекином смягчаются. Джунгарские власти требуют от России срыть Усть-Каменогорскую крепость, мы начинаем терять влияние и в Джунгарии, и твердую позицию во взаимоотношениях с Китаем. И тогда, в целях восстановления равновесия, России вновь приходится идти на уступки. В августе 1727 года Россия и Китай подписывают Буринский трактат, а в октябре – Кяхтинский договор. Эти документы определили российско-китайскую границу по р.Кяхте и Западным Саянам, тем самым признав вхождение Бурятии и Хакасии в состав России. Но для того чтобы выполнить требование китайской стороны о территориальном размежевании с Северной Монголией, России вновь пришлось пойти на территориальные уступки – перенести границу значительно западнее определенного Нерчинским договором места слияния рек Аргуни и Шилки, отдав Китаю центральные и восточные районы нынешней Читинской области и отказавшись от попыток контролировать северо-монгольские земли, на которых присутствие русских купцов к тому времени уже простиралось до маньчжурского озера Далай-нор³⁴. Россия полностью лишалась выхода к Амуру, районы среднего течения которого (Албазин) она когда-то контролировала. Неоправданно большие территориальные уступки в рамках Буринско-Кяхтинских соглашений и по сей день составляют одну из самых неудачных страниц в истории российской дипломатии. По-видимому, принимая требования китайской стороны, делавшие невозможной выгодную торговлю с монгольскими племенами, наши дипломаты считали “частные” экономические потери купцов менее значимыми, чем ожидаемые доходы от согласия Китая возобновить

³⁴Зато в Буринском трактате Китай великодушно “поделился” с Россией землями еще не завоеванной Джунгарии (сейчас в этом районе проходит северо-восточная граница Казахстана с Китаем).

прием государственных торговых караванов – даже несмотря на то, что по требованию китайской стороны интервал между караванами был увеличен с 2 до 3 лет и устанавливалась их предельная численность в 200 человек³⁵. Вся “некараванная” торговля могла теперь осуществляться только в населенных пунктах Кяхте и Цурхайту, допуск в которые китайских торговцев жестко контролировался пекинскими властями и исключал прямые торговые контакты русских купцов с монголами [42].

Помимо территориальных уступок со стороны России, Китай смог добиться и того, что отныне дипломатическая переписка стала вестись не напрямую, между императорами двух стран, а через Сенат и Лифаньюань – “Палату сношений с варварами”, что, по мнению ряда исследователей, означало признание Россией зависимого от Китая статуса [43]. И если для европейских соседей России тонкости пекинского дипломатического протокола мало что значили, то для восточного окружения, прежде всего для Джунгарии, это был более чем явный знак слабости своего несостоявшегося покровителя.

Из сегодняшнего далёка трудно оценить соответствующие потери России в стоимостном эквиваленте. Но можно предположить, что оказались интересы русского негосударственного предпринимательства на более высоком уровне понимания в Коллегии иностранных дел, то оперативное (в 1716–1718 гг.) заключение военно-политического союза с Джунгарией привело бы к решительному укреплению русских позиций в Забайкалье. Джунгария, в частности, смогла бы сохранить за собой Тибет (откуда была вытеснена китайцами в 1718–1720 гг.) – еще один рынок для русских изделий и источник прибыльного товарного транзита в Европу. Также Джунгария смогла бы, продолжая иметь влияние в богатом Семиречье, естественным путем открыть для России рынки и этого региона. Союзнические отношения с Джунгарией, военная дееспособность которой зависела бы теперь

³⁵То, что уступки Китаю по Буринскому и Кяхтинскому договорам были неоправданно излишними, подтверждается тем, что всего лишь четырьмя годами спустя – в 1731 году – Китай, готовясь к решительному наступлению на Джунгарию и заинтересованный в нейтралитете России, отправил посольство в Санкт-Петербург. Если учесть, что и Россия, и европейские страны исконно считались китайскими правителями “варварскими” государствами, обязанными в своих сношениях с Поднебесной признавать и демонстрировать вассальную зависимость, то уступки, на которые согласилась Россия на фоне беспрецедентного для китайской власти направления в Петербург собственного посольства, следует квалифицировать как чрезмерные.

исключительно от северного соседа, стали бы на долгие годы мощным внешнеполитическим козырем нашей страны в Центральной Азии и в отношениях с Китаем, а если обратиться к проблемам XIX века – то они могли бы обеспечить мощный естественный заслон на пути распространения в Центральной Азии интересов Британской империи. А территория бывшей Джунгарии не стала бы, как это случилось в последующем, рассадником исламского фанатизма и экстремизма³⁶. Контроль над территорией Туркестана в форме протекторатов и союзов с местными режимами был бы установлен не во второй половине XIX века, а чуть ли не столетием раньше. В орбиту российского влияния вошли бы территории с колоссальным ресурсным потенциалом и еще более обширным, чем самодостаточный Китай, рынком для сбыта продукции русских мануфактур и зарождающейся промышленности.

Приходится только сожалеть, что в результате неверного позиционирования внутрироссийских же интересов при проведении внешней политики на Востоке в начале XVIII века мы упустили поистине огромные возможности и привилегии, которые буквально ложились к ногам петровских дипломатов. Результаты их нелегкой и опасной работы лишь в минимальной степени оказались востребованными в интересах торговли и экономического развития восточных рубежей страны.

³⁶После завоевания Китаем территория Джунгарии так и не обрела порядок и мир, на протяжении трех веков ее сотрясает непрерывная череда восстаний – 1765, 1826, 1830, 1847, 1862-78, 1911-12, 1931-33, 1944-46. Трижды здесь власть китайцев свергалась и создавались вновьявленные государственные образования: Джунгарский султанат, Таранчинское ханство, государство Джетышар и др. (существовали в 1860-70-х гг.) и Восточно-Туркестанская Республика (июль – декабрь 1933, ноябрь 1944 – июнь 1946 гг.). Всякий раз, перебив китайцев, местное население быстро окуналось в кровопролитие междоусобных войн, отличавшихся беспрецедентной, немотивированной жестокостью. В июле 1870 года в городах Кашгарии вырезали практически всех иностранцев, потому как прошел слух: “французские сестры милосердия, которые берут к себе на воспитание детей, выкалывают им глаза, чтобы получить необходимую жидкость для изготовления фотографических портретов”. У суверенного правителя города Кашгара Хаджи Валихан-тюри было любопытное хобби – строительство пирамид из человеческих голов (именно этот образ лег в основу знаменитого “Апофеоза войны” В.В.Верещагина). Украшением одной из таких пирамид в 1857 году стала голова известного немецкого путешественника А.Шлагинтвейта [44].

**Открытие
Петра I:
акматическим
идеалом можно
управлять!**

Император Петр проводил и в Центральной России, и на ее восточных окраинах ту единственную экономическую политику, которую признавал и в которую верил, – поощрение ограниченной частной инициативы под всеобъемлющим государственным контролем. Эта политика давала свой эффект, за счет экстенсивной эксплуатации значительно большего, чем у европейских стран, объема ресурсов обеспечивая стране доминирующую военную мощь, мобилизационную устойчивость и вполне адекватный европейским стандартам уровень потребления правящей элиты. Издержки от активизации “интенсивного фактора” развития восточных территорий в виде укрепления недостаточно подконтрольного государству частнопредпринимательского класса были абсолютно неприемлемыми для властей. В России того времени очень хорошо помнили события английской революции 1648–1649 гг. и прекрасно понимали, во имя чьих интересов лишился головы король Карл I. С другой стороны, в начале XVIII века ни у кого, включая европейскую интеллектуальную элиту, не было ясного осознания того очевидного ныне факта, что децентрализованная торгово-хозяйственная деятельность, основанная на частном интересе, эффективнее традиционной государственно-феодальной системы. Старая система продолжала работать, исправно поставляя в армейские рекруты здоровых крестьянских детей, корабли и лучшую в Европе артиллерию, обеспечивая взамен вывоза пушнины и пеньки импорт предметов роскоши и лучшего в мире английского угля для отопления Санкт-Петербурга. Что ни говори, но модернизация, осуществленная Петром, практически решила те задачи, под которые когда-то планировал свои либеральные реформы В.Голицын. Поэтому на протяжении почти ста лет – до выхода в свет работ Н.М.Карамзина, появления Кодекса Наполеона и экономических трудов Адама Смита – деяния первого российского императора не подвергались ни малейшему критическому переосмыслению. Умирая, Император вполне заслуженно мог бы произнести: *Feci quod potui, faciant meliora potentes*³⁷. Масштаб личности Петра не подлежит переоценке, однако представления о возможном и необходимом в его эпоху вполне могут быть переосмыслены.

Ранее мы уже обращались к проблеме выбора между “голландско-английским” путем развития и территориальной

³⁷ “Я сделал всё, что мог, кто может, пусть сделает лучше” (лат.)

экспансией на Восток, актуальной в конце XVI – в первой половине XVII веков. Общество тогда стояло перед небогатым выбором: либо сократиться численно вслед за резко упавшей по причине ухудшения климата и истощенности среднерусской пашни продуктивностью сельского хозяйства, либо, пройдя через мучительные жернова “огораживания”³⁸, резко увеличить долю городского населения и принять мануфактурно-торговый путь развития, либо же перенести свою неизменную сущность на новые территории. Как известно, выбран был третий путь, позволивший, за счет экстенсивного увеличения масштаба использования открывшихся на Востоке жизненных ресурсов, в относительной цельности сохранить привычный уклад жизни и общественный строй. Влекомые акматическим идеалом землеискательства, перекликающимся с заложенным в национальном архетипе поиском “рая на Земле”, русские люди смогли за невероятно короткий срок, благословленные непостижимой удачей, распространить контроль над величайшей в мире территорией суши. В сообществе землепроходцев и переселенцев на восток, в военной и государственной элите страны, в купеческом сословии, в среде духовенства и т.д. сформировалась повышенная энергетичность, задаваемая объективным разрывом между акматическим идеалом и условиями реального бытия. Эта дополнительная “способность к совершению работы” на протяжении всего XVII – первой четверти XVIII веков “сжигалась” в смутах, расколе и войнах. Иного приложения сил не представлялось, поскольку дальнейшее продвижение на Восток и Юг к тому времени блокировалось сопоставимым по силам противником. В то же время, благодаря наличию в обществе этой самой избыточной

³⁸Насильственный гон крестьян с принадлежащей лендлордам земли в Англии в XV – XVII вв. стал результатом того, что получение феодального оброка (в форме арендной платы) с малопродуктивного традиционного сельского хозяйства, продукт которого на 80–90% использовался для пропитания самих же крестьян, стало уступать по эффективности выращиванию овец для последующей продажи шерсти на мануфактуры, а мяса – на рынки растущих городов. Лишенные земли и крова крестьяне после повторной поимки, на основании Акта 1662 года “Об оседлости и защите общественной нравственности”, подлежали клеймению и даже могли быть казнены. Единственным способом выживания становилось трудоустройство на мануфактуру и переезд в город.

Принято осуждать англичан в “эпоху огораживания” за бесчеловечность, однако был ли у них иной выбор? Теряющее продуктивность земледелие объективно не могло прокормить растущее население страны; колоний, в которые можно было бы переселять его “излишек”, в ту пору у Англии не было, а спрос на продукцию суконных мануфактур, потребляющих шерсть, по причине всеобщего роста городов был высок, как никогда.

энергетичности, был обеспечен успех петровской модернизации – которая, в сущности, была нечем иным, как форсированным “выжиманием” из общества способности к совершению дополнительной работы на полях сражений, при строительстве Санкт-Петербурга и Кронштадта с цепью вручную (!) насыпаемых морских островов, в рудных шахтах и у горнов оружейных заводов. Заметим, что подобного энергетического ресурса в ту пору не имелось ни у одной из европейских стран³⁹.

Петровская модернизация почти на полтора столетия – до самой Крымской войны – продлила период сравнительно эффективного (если мерить не по критерию общественного блага, а военно-дипломатическими достижениями) функционирования административно-феодальной системы. В течение всего этого времени, из поколения в поколение, исключительная энергетичность русского общества помогала проворачиваться тяжелым шестерням государственной машины.

Однако этническая или социальная энергия не уходит, как заряд в аккумуляторе. Пока существует акматический идеал, поддерживающий разность потенциалов между высшей осознанной целью и реальным бытием, люди будут и еще раз будут готовы совершать необходимую для сокращения данного разрыва работу! Отсюда логично задаться вопросом – что произошло за это время с акматическим идеалом? *Здесь-то и обнаруживается самое интересное: в “век Петра” акматический идеал не только сохранился, но был дополнен и усилен новой имперской ментальностью.* Чувство империи совершенно особое. Помимо прочего, в явленной области сознания оно притупляет остроту военно-мобилизационных тягот, ограниченности прав и свобод, издержек неустроенного быта и т.д., а в области подсознательного создает чувство защищенности, успешно блокирующее многие фобии. Петр сумел дать русскому обществу те самые элементы психологического комфорта, отсутствие которых столь успешно формировало почву для Смуты и Раскола, а в короткий период правления царевны Софьи и В.Голицына чуть было не индуцировало некий вариант буржуазной революции “сверху”. Акматический идеал продолжал быть нацеленным на продолжение территориальной экспансии, в условиях сохраняющейся

³⁹Тем не менее, уже начиная с конца XVIII века, с появлением в сознании европейских народов новых акматических целеполаганий, избыточную энергетичность сполна проявят французы, несколько позже – германцы.

неустроенности обеспечивая для соответствующих начинаний и проектов должный энергетический потенциал.

Чем чревато длительное сохранение в обществе повышенной энергетичности? Тем, что когда-то ее излишек, не использованный в процессах преобразования среды проживания, экспансии, войнах, в проектах экономического развития и т.д., способен обратиться против как непосредственно членов этого общества, так и против среды проживания. В частности, в какой-то момент позитивное мироощущение может смениться потерей рационального начала, на смену органичности придет антисистема. А равнодействующая тысячи и десятков тысяч индивидуально мотивированных и по-прежнему наполненных энергией поступков будет эквивалентна хорошо подготовленному самоубийству в масштабах общества.

Мы вернемся к этим процессам позже, когда они во всей своей полноте раскроются в годы русско-японской войны и в последующей за ней череде трагических событий, с мистической неотвратимостью обрушившихся на страну и ее народ вопреки всем, даже самым жестким из рациональных прогнозов. Была ли возможность их избежать? Почему общественная энергия, питавшая великие идеалы, не обратилась во благо, а оказалась востребованной на цели, далекие от них и противоположные им?

**Гражданское
обустройство России
было реально уже в
XVIII веке, но...**

Мне представляется, что шанс был упущен как раз в годы правления императора Петра. Тогда, достигнув возможных на тот момент пределов территориального расширения в восточном направлении (1689 г.), обеспечив выход к Черному (1699 г.) и Балтийскому (1704 г.) морям, русское общество вместо дальнейшего, требующего всевозрастающих усилий раздвижения границ и тешащем гордыню самоутверждения в европейской политике, должно было сконцентрироваться на обустройстве приобретенных территорий. Для этого имелось практически все: сверхприбыльные торговые коммуникации, ресурсы востребованного на внешних рынках сырья, вполне развитое торговое сословие со 100%-ым (!) уровнем грамотности⁴⁰, в своей совокупности контролирующее капитал,

⁴⁰Так, уже с середины XVII века в московской купеческой среде считалось абсолютно обязательным обучение детей-мальчиков хотя бы одному иностранному языку (наиболее котировались латынь – аналог современного английского, – а также польский, немецкий и английский языки).

намного превышающий по стоимости бюджет государства. Ведь уже первые торговые операции с Китаем обеспечивали финансовый результат, сопоставимый по стоимости с государственными расходами на оборону, а поднявшиеся на торговле с Персией ярославские купцы Гурьевы смогли однажды взяться и... основать на каспийском побережье полноценный город, впоследствии названный в их честь⁴¹.

Имелось в наличии и другое необходимое условие эффективного развития и обустройства новых территорий – гражданская самоорганизация самодеятельного населения в форме земств, получивших наибольшее развитие как раз в период “слабого” допетровского феодализма. Представляя собой разнообразную смесь городских сообществ, объединений сельских общин, артельно-цеховых формаций, купеческих союзов и казачьих кругов, земства оказались единственным эффективным общественным институтом в период Смуты, благодаря которым была восстановлена национальная монархия. Земские формы горизонтальной самоорганизации на новых землях могли не только эффективно отправлять часть функций государственной власти, защищая и оберегая при этом саму эту власть⁴², но и формировать условия для эффективного приложения излишка общественного продукта в хозяйственное развитие – что явилось бы разумной альтернативой непроизводительному потреблению высших слоев на фоне непрерывной военно-мобилизационной активности.

Медленный огонь греет сильнее, чем случайные всполохи пламени. Обращенная на цели созидания человеческая энергия, задаваемая старым акматическим идеалом землеискательства, позволила бы в течение жизни нескольких поколений с относительной полнотой решить основные задачи хозяйственного освоения новых территорий. Затем общество выработало бы новый акматический идеал, сообразный изменившимся условиям жизни и новому мироощущению. Подобно тому, как романтический идеал первопроходцев – основателей британских факторий в Ост-Индии, – начиная с XVIII века сменился задачами промышленного и инфраструктурного развития завоеванных территорий, на которые уже приезжали не торговать и грабить, а жить с семьями и детьми, –

⁴¹Нынешнее наименование г.Гурьева в Казахстане – Атырау.

⁴²Как известно, падение режимов происходит не сколько по причине внешнего обрушения, сколько из-за отсутствия желающих таковые защищать. До самого начала XX столетия русское гражданское общество в численном большинстве своем было готово защищать существующий политический режим.

так и на русском Востоке вполне могла родиться и обрести жизнь “великая русская мечта”. В отличие от прежних мифологизированных идей, она была бы более реалистичной – каменный дом, достаток, нравственная чистота, безопасность и т.д. Появись и получи развитие этот новый акматический идеал в эпоху Пушкина и Гоголя – и не было бы в стране “лишних людей”, а бурная деятельность Чичикова считалась бы не сущностью национального предпринимательства, а его издержками, – хотя вряд ли бы в тех условиях первый русский комбинатор в принципе смог бы возникнуть. Страна, обладающая уникальными ресурсами и транспортными коммуникациями, в полной мере уже в первой половине XIX века смогла бы потягаться с Англией по уровню промышленного развития, а в недалекой перспективе и принять на себя ту роль, которая впоследствии досталась Соединенным Штатам. Русский менталитет, безусловно сохранив высокое духовное начало – хотя бы как память о временах поиска “рая на земле”, – явился бы основой более реалистичного восприятия мира, без подавленного чувства неполноценности перед “более удачливыми” народами Запада, без впечатляющих, но совершенно непригодных для жизни мифологем.

В свое время, на рубеже XVI – XVII веков, возможность проникновения на новые земли на Востоке позволила русскому народу буквально-таки спастись от двух, казалось бы, взаимодополняющих напастей: физического вымирания по причине резкого, связанного с сильным похолоданием, сокращения производительных сил в сельском хозяйстве, и от утраты национальной идентичности в случае форсированного перехода на “англо-голландскую” модель развития. Решись мы тогда последовать этим путем, в территориально ограниченных рамках старого московского царства, – и в условиях перехода к городским формам жизнеустройства потребовалось бы лишить пропитания и крова и, тем самым, в условиях суровых русских зим фактически обречь на смерть значительную – до 15-20% (!) – часть населения, вытесняемого с сельскохозяйственных земель. Для апологии подобного пришлось бы, как минимум, отказаться от православия в пользу некоего варианта протестантского, лютеровского “предопределения”, прижизненного разделения на “чистых” и “недостойных”. Слава Богу, этого не случилось. На новом бескрайнем жизненном пространстве, в окружении иных народов, сохранение веры, традиций, обычаев и исконных форм мировоззрения было не данью исторической памяти, а необходимым

условием выживания и хозяйственного успеха. Именно благодаря позиционированию в многоликом этногеографическом окружении в качестве ведущей политической и хозяйственной силы русский народ уже к середине XVII века обрел чувство империи. Чувство империи было знакомо русскому народу еще задолго до фейерверков петровских викторий, поскольку в его основе – не сколько победная спесь, сколько чувство свободы, даваемое обладанием пространством и эффективной защитой со стороны власти и гражданских институтов. Российская империя де-факто существовала уже в эпоху царя Алексея Михайловича. В годы же последовавшего затем укрепления абсолютизма, неизбежно ограничивающего всех членов общества, включая привилегированные сословия, чувство империи не могло само по себе стать крепче, иначе бы о нем не приходилось в последующем регулярно напоминать средствами государственной пропагандистской машины.

Таким образом, все существенные, ключевые элементы самосознания русского народа были сформированы еще до начала петровских реформ. В условиях экспансии на новые земли они совершенно не противоречили задачам прогресса, а развитие на их основе общества, базирующегося на неприкосновенности собственности и гражданской защите частных интересов, было бы не менее результативным, чем строительство бюрократизированной империи. Так, полностью оставаясь самими собой, мы могли пойти по принципиально иному пути развития.

**Когда нельзя
вернуться на
землю...**

В авиации есть понятие точки возврата – той предельной координаты полета, откуда еще можно вернуться на базу. В конце XVII века Россия, не решившись на реформы, заложила впечатляющий вираж – образно выражаясь, полет был продолжен на старой, слегка подновленной машине с ограниченным запасом жизненных сил. Если буквально сразу же после “петровского прорыва” общество бы осознало необходимость вернуться к настоящему принципиальным реформам, то, пользуясь относительной на тот момент рыхлостью внешнего окружения в лице увязшей в гражданских войнах китайской династии Цин, дряхлеющей Османской империи и беспрестанно воюющих то с друг с другом, то с турками европейцев, – Россия имела бы как минимум 100-150 лет для спокойного развития гражданского общества и конкурентоспособной экономики. Начни русское

общество расходовать сформировавшуюся в период XVI – XVII веков энергетичность на должное освоение и переход к интенсивному типу использования хотя бы части приобретенных территорий – и по прошествии столетия образовались бы новые органичные цели и задачи, вектор развития сместился бы в иные координаты акматического пространства, обеспечивая дополнительный энергетический потенциал для совершаемой обществом работы. При этом, уже обладая экономической мощью и политической культурой принципиально иного уровня, страна с легкостью могла бы декларировать и отстаивать свои интересы в эпоху стартовавшего с середины XIX века передела мира. Именно интересы России, а не европейских держав во многом задавали бы тогда динамику мирового развития, и уже другим странам приходилось бы решать, адаптироваться ли к ним или противостоять. Вызовы всегда проще формировать, чем реагировать на них.

Автору представляется, что возможность “спуститься на землю” сохранялась для нашей страны вплоть до эпохи Екатерины II (пр. 1762–1796 гг.). Судьба как бы подсказывала России этот путь, в очередной раз свергнув страну после смерти Петра в 37-летний период властной чехарды и политического безвременья. Однако с воцарением продолжательницы “дела Петрова” точка возврата была окончательно пройдена. Отныне страна могла развиваться, лишь все в большей и большей степени мобилизуя ограниченные силы и ресурсы, восполняя недостаток производительных сил увеличением численности населения⁴³ и внешними заимствованиями (первый масштабный государственный заем как раз был осуществлен в годы екатерининского правления). Из-за постоянной вовлеченности во внутриевропейские дела – необходимого условия зарубежной кредитной поддержки, – у России даже при наличии желания уже не оставалось времени сконцентрироваться на необходимых для обустройства и развития внутренних реформах. Лишь век спустя, на короткий период в царствование Александра III (пр. 1881–1894 гг.) страна смогла, пожалуй, впервые за два столетия по-настоящему обратиться к решению внутренних проблем – однако возврат на “устойчивую траекторию полета” к тому времени уже был невозможен. Предотвратить падение могло бы благоприятное сочетание внешнеполитических факторов, способное дать стране дополнительно как минимум 20–30 спокойных лет. Однако

⁴³В годы правления Екатерины II численность населения России увеличилась более чем в 2 раза, с 17 до 40 млн. человек.

временные паузы, которые теоретически представлялись возможными в XVIII и даже в XIX веках, в эпоху индустриального передела мира были практически исключены.

У пилота, не имеющего возможности совершить посадку, остается два выхода – либо бросить штурвал, обреченно устремившись вниз, либо, собрав последние силы, попытаться взмыть в небеса – в надежде то ли на неведомую, невероятную, случающуюся в последний момент удачу, то ли красивый, достойный величия полета финал. Из-под пера Леонида Андреева в 1914 году вышел прекрасный рассказ о летчике, на исходе самого счастливого и беспримерно красивого из всех своих полетов вдруг решительно произнесшего: “Нет! На землю я больше не вернусь... Я буду подниматься все выше. Тело мое отлетит от меня и упадет, а я пойду выше... Волнуется душа моя, стремится из тела, стремится к горнему и дальнему полету, – я иду выше и без конца... Волнуется душа моя!” [45].

В начале XX иного выбора у нашей страны не было, и в своей восточной политике, устремившись через Маньчжурию к теплым водам незамерзающего Желтого моря, Россия предприняла последнюю и впечатляющую попытку набрать высоту. В точности как пилот, восторженно следовавший возносящим его потокам воздушного моря и понимавший, что возвращение на землю равноценно смерти мечты – той самой единственной и абсолютной реальности, в которой он уже начал жить и которой другой больше не будет.

Увы, историческое время экспансии по привычным лекалам завершилось. Слабеющий в отсутствие свежих мотиваций вал русской экспансии на Востоке входил в соприкосновение с монолитом набирающей силы Японии. Эта малознакомая страна, на протяжении столетий скрывавшая свою сущность от остального мира, внезапно оказалась наделенной собственной великой мечтой, в акматических координатах которой формировалась повышенная энергетика. Мы увидим, что на полях и в морских сражениях русско-японской войны сошлись два абсолютно равных, сопоставимых и в техническом плане, и в плане ресурсного обеспечения противника – история точно специально поставила над противоборствующими сторонами подобный кровавый эксперимент. Обе стороны дрались самоотверженно и храбро. Склоняясь над штабными картами, русские генералы не могли не вспоминать, пытаясь вырвать из рук неприятеля победу, классические диспозиции Аустерлица и Бородина или свежие в памяти операции балканской войны,

Туркестанского похода вкупе с удачным рейдом на Пекин в 1900 году. Японские генералы не могли похвастать подобным багажом – зато у них имелось четкое понимание того, каких именно результатов и во имя чего ждут их страна и народ. Победа же, при прочих равных, всегда достается тому, у кого больше оправданий перед будущей историей.